

Полярник

З. М. Каневский

Зиновий Михайлович Каневский, географ, участник арктических экспедиций, почетный полярник. Автор ряда научно-популярных книг: *Между двух океанов*. М., Политиздат, 1969; *Льды и судьбы*. М., «Знание», 1973; *Разгаданный полюс*. М., Политиздат, 1973.

Ему не пришлось участвовать ни в одной громкой арктической экспедиции: ни в каком-либо героическом сквозном рейсе по Северному морскому пути, ни в крупной воздушной высокоширотной операции, ни в работе на дрейфующей станции «Северный полюс». И тем не менее, Борис Александрович Кремер был выдающимся советским полярником, ветераном Арктики и Северного морского пути, человеком, внесшим значительный вклад в науку о высоких широтах.

Он пришел в Арктику в 1935 г. 27-летним метеорологом (а перед тем ему довелось побывать и откатчиком в подмосковной угольной шахте, и рабочим-строгальщиком на заводе «Стекломашина», и лаборантом геологической экспедиции, и наблюдателем метеорологической обсерватории им. Михельсона в Москве). Именно в 30-е годы появилось и приобрело заслуженный героико-романтический ореол само слово «полярник», означающее, согласно толковым словарям: «Участник полярных экспедиций, исследователь полярных стран, зимовщик полярной станции». Вероятнее всего, именно последнее, третье, значение этого слова и привело к его официальному утверждению в русском языке, потому что конец 20-х — начало 30-х годов XX в. стали эпохой активного роста

арктических радиометеорологических станций на берегах Ледовитого океана и его многочисленных островов.

Советские полярные станции — это научный форпост страны. Они первыми «грудью» встречают арктическую погоду, передают на Большую землю сведения об атмосфере, льдах, океанских водах, помогают синоптикам лучше и надежнее прогнозировать погоду на обширной территории, предупреждают о грядущих ураганах, морозах, метелях, о возможных заморозках где-нибудь в Закавказье — и тогда нужно немедленно спасать нежные цитрусовые... А на полярных станциях живут и работают полярники: метеорологи, радисты, геофизики, повара, механики (в наши дни еще и инженеры-радиолокаторщики, и океанологи, и сейсмологи, и специалисты по космическим лучам, да и вообще, пожалуй, представители всех современных «ходовых» профессий). Борис Александрович Кремер был из первого поколения полярников, сначала рядовым наблюдателем, затем начальником маленькой зимовки на Северной Земле, руководителем крупных полярных обсерваторий на Земле Франца-Иосифа и на Таймыре и, наконец, целого Восточного района Арктики со «столицей» на Чукотке.

«Много лет зимы» — вот лучшая ха-

характеристика жизненного пути полярников-зимовщиков, подобных Кремеру. Год, два, три года непрерывной работы в Арктике, скоротечный отпуск на материке — и снова на Север. Жизнь, когда столичная прописка — лишь для порядка, когда недовольство ближних перекипает через край, а в крови постоянный полярный зуд, и пребывание в Москве или даже на Южном берегу Крыма утомляет и раздражает больше, чем любая арктическая передышка! Кто проникнет в глубины этого состояния, найдет причины этой поистине «Высокой болезни»?

Борис Александрович не раз спрашивал об этом и себя, и других, но единственного убедительного ответа не находил. Да и нужно ли непременно доискиваться причин тяги человека в Арктику, Антарктику, Сахару, на дно Марианской впадины, на вершину Эвереста? — Вроде бы, не обязательно. И все-таки сам Борис Александрович Кремер никогда не упускал возможности поговорить, иногда — сердито поспорить об этом. Он смотрел далеко вперед, думал о смене, о тех, кто придет в полярные страны сегодня, завтра, и ему было далеко не безразлично, какими мотивами и соблазнами будут руководствоваться «зеленые», юные, те же школьники из тарусского «Клуба юных полярников», которым он уделял столько внимания и тепла.

Ровно сорок лет полярные станции были главной любовью Бориса Александровича (в его квартире на Суворовском бульваре над письменным столом висела «казенная» табличка с надписью: «Отдел полярных станций!»). Он много думал, вспоминал, писал об арктических зимовках, негодовал, когда слышал или, хуже того, видел в «бравых» репортажах фамиллярно-уродливое слово «полярка» — полярники его поколения, по-настоящему изведавшие «Обыкновенную Арктику», не позволяли себе так принижать значение двух простых и таких емких слов: полярная станция.

Еще больше огорчало его, что почти все пишущие о Крайнем Севере, об истории исследования и освоения высоких широт, словно забывают о той огромной роли, какую сыграли полярные станции в превращении Северного морского пути в регулярно действующую магистраль. Об истории организации первых русских и советских полярных метеостанций, об их деятельности, о специфике работы и о быте зимовщиков рассказывается обычно короткоговоркой. И уж, во всяком случае,

раздел о полярных станциях в любом историко-научном произведении об Арктике оказывается весьма скромным по объему, резко уступая повествованию о какой-нибудь эффективной прославленной полярной экспедиции.

Вот почему Борис Александрович не упускал случая напомнить превосходные слова своего «крестного полярного отца» Эрнста Теодоровича Кренкеля, такого же, как и он сам, полярника до мозга костей, считавшего своим наивысшим достижением зимовщика и человека работу на маленьком островке Домашнем у берегов Северной Земли: «Понимаешь, — говорил он Кремеру, — трудно было на «Челюскине», еще труднее — на СП. Но когда к тебе и к твоим товарищам приковано внимание всей страны и это внимание тебя подхлестывает, обязывает — можно снести любые лишения. И совсем другое дело — Домашний, где мы, двое маленьких людишек, были полностью предоставлены своей судьбе и, казалось, забыты всеми... Это — величайшее испытание всех твоих человеческих сил».

Начинающему полярнику Кремеру на первой же зимовке в 1935—1937 гг. пришлось вынести такое «величайшее испытание». Они начинали работу вчетвером на мысе Оловянном на Северной Земле, и их начальником был Эрнст Кренкель. А через полгода была организована дополнительная полярная станция на острове Домашнем, Кренкель с напарником улетели туда, Кремер же возглавил на Оловянном коллектив из двух человек: он сам и радист А. А. Голубев. Они проработали бок о бок еще целых полтора года, так как к ним из-за тяжелой ледовой обстановки не могли пробиться корабли. (Кренкель и его помощника удалось сменить через полгода.) Туго стало с продуктами, не говоря уже об отсутствии свежего мяса или овощей-фруктов, навалилась тяжелая усталость. К тому же их было всего двое. Как они уживались?

Можно много рассуждать о психологической совместимости характеров, особенно в экстремальных, как теперь принято говорить, условиях. Вспомним хотя бы о том, как знаменитый исследователь Антарктиды Ричард Берд предпочел поселиться во льдах в полном одиночестве, лишь бы не рисковать возможностью заполучить «несовместимого» соседа! А сколько драм и даже трагедий насчитывает история Арктики, одним из зародышей которых можно с полным основа-

Полярная станция «Мыс Оловянный», на которой Б. А. Кремер работал в 1935—1937 гг.

нием считать эту пресловутую несовместимость... Кремер же с Голубевым провели один на один восемнадцать бесконечных месяцев. Итог? — Борис Александрович подвел его кратко и исчерпывающе, с никогда не покидавшим его чувством юмора и иронии: «До сих пор здороваемся и дружим, сорок лет подряд! А когда возвращались с той зимовки, ехали в одном вагоне, хотя многие удивлялись — неужели мы не осточертели друг другу раз и навсегда?!».

Но, разумеется, итогом их зимовки было гораздо более существенное. Они провели весь цикл наблюдений, по полной, даже «переполненной» научной программе. Сверх всяких норм и инструкций сделали важные геологические сборы,

переданные затем видному полярному геологу профессору П. В. Виттенбургу. К той же поре относится и первое, по всей видимости, научно-практическое исследование, проведенное Борисом Александровичем. Изучая гидрологический и ледовый режим пролива Шокальского, разделяющего острова Большевик и Октябрьской Революции (в архипелаге Северной Земли), он пришел к убеждению, что при острой необходимости этот путь может стать неплохим запасным маршрутом для кораблей, идущих Северным морским путем, — в том случае, если «столбовая дорога», пролив Вилькицкого, будет забит непроходимыми льдами, а обогнуть архипелаг с севера не удастся.

Они действовали спокойно и уверенно, охотились на медведей, которых, на беду, в первый год почти не было (и не было, соответственно, добавочной свежей пищи), играли в шахматы, тосковали по близким, по другим людям. На исходе второго года зимовки стало по-настоящему тяжело, но они, получив предложение начальника Главсевморпути О. Ю. Шмидта покинуть станцию на самолете полярного летчика В. М. Махоткина, ответили отказом: начинавшаяся навигация требовала регулярных сводок погоды, постоянной радиосвязи. Лишь осенью, когда

Б. А. Кремер (справа) и Э. Т. Кренкель за шахматами. Мыс Оловянный, 1935 г.

на трассе Северного морского пути установился своеобразный «мертвый сезон», Кремер и Голубев согласились покинуть станцию на самолете.

Первое испытание Арктикой Борис Александрович, которому не исполнилось тогда еще и тридцати, выдержал великолепно, проявив лучшие качества полярника и личности. Через несколько месяцев он уже в пути на новую зимовку, на Землю Франца-Иосифа, на крупную по тем временам научную «точку» в бухте Тихой. Кремер — ее начальник. Наблюдения ведутся по куда более широкой программе, чем на Северной Земле, в них «втянут» чуть ли не весь комплекс гео- и гидрофизических исследований, как бы прообраз будущих научных работ, ко-

торые двадцать лет спустя развернулись по соседству с Тихой, на неприметном островке Хейса. (Здесь возникла крупнейшая в Арктике научная обсерватория «Дружная» им. Э. Т. Кренкеля, ведущая ныне совместные советско-французские эксперименты по ракетному зондированию высокой атмосферы.)

Перед самой войной Б. А. Кремер, получивший за свою работу в Арктике орден «Знак Почета» и звание «Почетного полярника», вновь отправился на свою любимую Северную Землю. На сей раз — не просто на зимовку, а в экспедицию. Их — трое, включая его, начальника. В их распоряжении — маленький фанерный домик площадью 9 м², без «удобств», без печки, и тепло в нем только тогда, когда на примусе готовится пища. Они живут в постоянной, ужасающей сырости, не имея возможности отогреться самим, просушить одежду. А промокают они (и люди, и их одежда) то и дело: экспедиция, помимо непереносимых метеорологических и ледовых наблюдений, ведет, как мы сказали бы сегодня, комплексные географические исследования района мыса Арктического — самой северной оконечности архипелага, одного из наиболее удаленных и труднодоступных районов Советской Арктики. Их интересует все: рельеф и внутренние воды,

Б. А. Кремер ведет метеорологические наблюдения. Бухта Тихая. 1939 г.

ледники и почвы, растительность и животный мир, прохождение радиоволн и возможность сооружения здесь посадочной площадки для самолетов с каждым годом крепнущей полярной авиации.

Три с половиной месяца, с мая по август, продолжалась эта экспедиция. 22 июня они узнали о начале войны, и их уже не оставляли тревоги за будущее, за близких, за себя... В конце августа ледокольный пароход «Садко» пробился к мысу Арктическому. Крошечная станция-домик была законсервирована, но люди были настолько изнурены работой, что едва сумели добраться до корабля. Им пришлось бросить все личные вещи и захватить с собой лишь результаты наблюдений и боевое оружие. Судно благополуч-

но доставило их в Диксон, столицу Западной Арктики. По правде говоря, Борис Александрович имел право рассчитывать на небольшой отпуск, и ему обещали дать передышку, но из Москвы его вызвал на прямые радиопереговоры начальник Главсевморпути И. Д. Папанин, и все резко переменилось.

Полярник Кремер получил задание: отправиться по морю или по воздуху на остров Домашний, полярная станция которого была законсервирована еще до войны. Сейчас, когда шла война, Домашний стал крайне необходим. Метеоинформация, данные о льдах, наблюдение за океаном и воздухом, за возможным появлением гитлеровских кораблей, подводных, надводных и воздушных — вот что, коротко говоря, требовалось от Кремера и двух его помощников, радиста (он же второй метеоролог) В. Н. Скворцова и механика (он же повар) И. И. Шенцова. Папанин ничего не приказывал, не настаивал, а только дал понять Борису Александровичу, что дело — очень важное. Кремер ответил быстрым согласием.

Вариант с судном вскоре отпал — нельзя было рисковать посылкой крупного корабля в воды, откуда сейчас не поступало никаких сведений о состоянии льдов и где, плюс ко всему, мог таиться

Полярная станция «Остров Домашний». 1941 г.

враг. Предстояло лететь на самолете, а это означало, что нельзя взять с собой ни личных вещей, кроме маленьких дорожных рюкзаков, ни снаряжения, ни, самое главное, запаса продовольствия. Весь расчет был на продукты, хранившиеся на складе заколоченной зимовки. Что касается количества, то самих «продоваров» хватало. Но каких! — старых, лежалых, резко ограниченного, скудного ассортимента (да еще частично испорченных временем и перепадами температуры). И, разумеется, ничего свежего, «витаминного». Подобной ситуации в жизни зимовщика Кремера, уже достаточно богатой событиями, до сих пор не возникало. Правда, их твердо обещали сменить не позднее чем через полгода, весной 1942-го.

На Домашнем они с первого же дня включились в обычную деятельность зимовщиков-наблюдателей. Круглосуточная повседневная вахта, метеорология, гидрология, радиосвязь... Только происходило все это в особых условиях войны, которая докатилась со временем до глубинных районов нашей Арктики. В Карском море появились германские подводные лодки, а затем — и крупный гитлеровский пират, карманный линкор (или тяжелый крейсер) «Адмирал Шеер». Заполыхали подожженные вражеским артиллерийским огнем советские полярные станции на Новой Земле, на острове Уединения. Кремер и его товарищи услышали в эфире тревожный голос радиста полярной станции «Мыс Желания»: «Горим! Горим! Много огня...». Можно представить себе, что испытывали люди на всех без исключения станциях Западной Арктики, в том числе — трое на Домашнем.

Обещанная смена весной 1942 г. не прибыла, их просили продержаться до лета. В августе пришло зашифрованное сообщение, что к ним идет судно со сменной, назвали даже фамилию нового начальника — радист Анатолий Шаршавин. Вот только названия судна им не сообщили, и еще долго Кремер и его товарищи не знали ни этого названия, ни судь-

бы судна, так и не пришедшего к ним никогда. Это был легендарный ледокольный пароход «Александр Сибиряков», вступивший в полдень 25 августа в неравный, гибельный для себя бой с «Адмиралом Шеером», чтобы спасти беззащитный караван торговых судов, на который нацеливался пират. Почти все сибиряковцы погибли в бою, немногие раненые попали в плен, вели себя мужественно, некоторые из них дождались освобождения из концлагеря, а радист Шаршавин надел форму солдата и дошел до Померании, где погиб в бою...

Кончилось лето, и трое полярников поняли, что им предстоит вторая зима на голом, одиноком островке с таким уютным наименованием: Домашний. Не обычная зимовка, а невероятно тяжелая, голодная, почти бесперспективная. В любое мгновение — нападение врага. Очень плохо с продуктами, топливом, керосином для освещения. Крошечный домик, все трое — в одной комнатке, она же кают-компания, радиорубка, метеокабинет, спальня. Полный объем наблюдений, метеорология — каждые три часа, а если потребует авиация — ежечасно. Круглые сутки надо слушать эфир, не прозвучит ли откуда-нибудь сигнал тревоги. Постоянное напряжение и ожидание беды. И, конечно, безрадостный арктический быт: выкопать из-под снега на берегу плавник, раздробить ломом смерзшийся уголь, «раскопчегарить» печь, нарезать ножовкой «кирпичи» плотного слежавшегося снега, растопить его, приготовить немудреную пищу. Вот только — из чего? — из ставших почти несъедобными консервов и круп. А еще из мяса белого медведя, без которого им не продержаться бы и в первую зиму. Но беда подкарауливала их: безнадежно болел механик Шенцов.

Он страдал уже несколько месяцев. На почве длительного недоедания у него обострились старые болезни, врач с далекого мыса Челюскин поставил диагноз: острый нефрит, нужна... диета, исключая соль и медвежье мясо! В результате у Шенцова началась цинга. Началась она и у Кремера, и у Скворцова, но они самоотверженно ухаживали за больным товарищем, регулярно переворачивали его, делали укрепляющий массаж, протирали тело камфарным спиртом — чтобы не было пролежней, выносили на руках «на улицу» подышать вольным воздухом. К несчастью, ничего большего сделать они не могли. В марте 1943 г. Илья Иванович Шенцов скончался и был

похоронен в промерзшей каменистой земле острова Домашнего...

Снова, как и несколько лет назад, Борис Александрович остался на дальней зимовке вдвоем с товарищем, только на этот раз многое выглядело по-иному. Им уже не обещали быструю смену, не прошло еще тяжкое потрясение — смерть друга, их мучили голод и болезнь. Даже не одна: у Скворцова участились приступы аппендицита. Круглосуточные вахты изматывали настолько, что они дремали, сидя за рабочими столами, нередко теряя сознание. Им пришлось перейти на своеобразный режим — работать и отдыхать одновременно, чтобы один всегда мог прийти на помощь другому, чтобы не случилось непоправимого, пока один из них спит. И ко всему этому добавлялся еще адский труд по расчистке в ледяной бухте посадочной полосы для самолета, который — они все же надеялись на это — когда-нибудь да прилетит за ними! Даже в наши дни работа по строительству ледового аэродрома в Арктике силами небольшого коллектива по праву считается самой неблагоприятной. Что же тогда сказать о двух изголодавшихся измученных людях, вооруженных лишь лопатами да пешнями! Они срубали плотные снежные заструги, ледяные ропак, выравнивали посадочную полосу, то и дело заносимую метелями, и все это — на морозе в 30—40°, на жестоком арктическом ветру. И при полном несении всех служебных обязанностей...

Когда много позже Борис Александрович вспоминал о двух безмерно трудных военных годах на острове Домашнем, он не стремился сгущать «страшное». Более того, отрицал, что они голодали: «Все-таки это не настоящий голод, когда хоть какие-то продукты имеются. И медведи, к счастью, навещали нас довольно часто. Но об этом сейчас горько вспоминать, особенно когда слышишь о почти полном истреблении замечательного зверя. Правда, у нас тогда не было никакого выхода». А рассказывая о тех способах, с помощью которых они боролись с болезнями, усталостью, нервной бессонницей, как пример наиболее действенного он назвал... стихи: «Я однажды поймал себя на том, что, пытаясь забыться хотя бы на час, шепчу про себя слово за словом стихи, самые любимые — Маяковского, Блока, Пастернака. И заметил, что улучшается настроение, наступает блаженное спокойствие, сон. Сейчас-то это кажется смешным, прямо по Маяковскому:

«Случайный сон — причина пожаров, на сон не читайте Надсона и Жарова!» Но тогда это было для меня подлинным спасением». Интеллект полярника Кремера — не он ли всю жизнь помогал ему выигрывать схватки с Арктикой и помог выдерживать тогда, когда шансов на спасение было совсем немного?

В сентябре 1943 г., ровно два года спустя после начала зимовки на Домашнем, за ними прилетел самолет. Через несколько часов они уже были в Диксоне, а потом, проделав длинный путь вверх по Енисею до Красноярска, по железной дороге вернулись в Москву. На груди Бориса Александровича Кремера появилась второй орден «Знак Почета» и одна из самых дорогих ему наград — медаль «За оборону Советского Заполярья». А следующей, тоже еще военной, весной он был уже на пути к месту очередной своей зимовки — мысу Уэлен на Чукотке. Война с Германией победоносно завершилась, но тем неотвратимее была война с Японией. На арктических дальневосточных зимовках мог весьма пригодиться опыт полярников, подобных Кремеру.

Вот так, за считанные годы, из новичка-наблюдателя Борис Александрович превратился в широко известного на Севере человека, ветерана Арктики, не достигшего, правда, 40-летнего возраста. За плечами у него были Северная Земля, Земля Франца-Иосифа, снова Северная Земля и война, а впереди его ждали Чукотка, мыс Челюскин, еще раз Чукотка, зимовки, зимовки, зимовки... Но в начале 50-х годов они кончились, и он, понастоящему впервые, прочно обосновался в Москве. Работал в Главсевморпути, в отделе полярных станций. Затем в Гидрометеослужбе, где тоже занимался своими любимыми полярными станциями. Наездами, с инспекционными заданиями бывал в Арктике, постоянно встречался с зимовщиками, подбирал кадры для работы на Севере. Достигнув 60 лет, вышел на пенсию. Однако его активная полярная деятельность на этом не прекратилась, она приобрела новые, ничуть не менее яркие оттенки.

Он всегда, всю жизнь был Исследователем, но прежде эти качества Бориса Александровича, так же как и его общечеловеческие черты, воочию видели и ощущали немногие. Два, три, десять, пятнадцать, пятьдесят его товарищей по зимовке на маленькой станции или в крупной обсерватории. Полярные пилоты

и моряки, доставлявшие его на зимовку или увозившие его оттуда. Руководители в Москве, Ленинграде, Диксоне, знавшие ему подлинную цену. Близкие ему люди. Теперь же, когда он жил и работал в Москве, Кремер-полярник и Кремер-личность сделались как бы достоянием сотен и тысяч людей, знакомых ему лично или по переписке, десятков и сотен тысяч не знакомых ему читателей его произведений.

В свое время, рассказывая об Эрнсте Кренкеле, Борис Александрович исключительно точно и образно подметил то, что он называл «феноменом Кренкеля». А каков был «феномен Кремера»? Чем отличался Борис Александрович от своих коллег? — Во все не тем, что дольше и чаще их зимовал на Крайнем Севере (да и пришел он туда позже многих, в более зрелом возрасте). И не тем, что был уникальным работником-наблюдателем — таких, к счастью, в Арктике всегда было немало. И, конечно, не тем, что умел совмещать в себе тему различных профессий — метеоролога, гидролога, повара, каюра, плотника, «прислуги за все» и т. п., потому что большинство зимовщиков рано или поздно становятся «народными умельцами», универсалами, потому что иначе — трудно жить и работать на уединенной полярной станции, где никто, кроме тебя самого, не поможет тебе в нужную минуту.

Очевидно, дело — в личности Бориса Александровича Кремера, в ее неповторимости и незаурядности. Он был широко мыслящим, самоотверженным, умелым человеком, всю жизнь стремившимся к знанию. Уже на пороге пятидесятилетия закончил вечернее отделение географического факультета МГУ — и закончил почти исключительно на одних «пятёрки». Прирожденный географ и историк, он сорок лет отдал Арктике, одной ей. Сначала изучал высокие широты сам, потом стал изучать и переосмысливать все то, что думали и писали о них другие. Он превратился в дотошнейшего исследователя-книжника и архивиста, собравшего уникальную полярную библиотеку и составившего не менее уникальную карту, куда вошло «все об Арктике». Не хотелось бы прибегать к штампу — «ходячая энциклопедия», однако невозможно придумать более точную общую характеристику Бориса Александровича. Столько и так, как он, из ныне здравствующих полярников, включая исследователей-

профессионалов, вероятно, знают очень и очень немногие.

Не какая-то особая, феноменальная память, а страсть, любовь к Арктике и ее людям — вот что помогло Борису Александровичу в его подвижнической работе. Он писал большие исследовательские статьи, обстоятельные предисловия и послесловия к книгам о Севере, в том числе и переводным. Глубоко порядочный и строго принципиальный человек (при этом нацело лишенный честолюбия), он боролся за историческую справедливость, восстанавливая приоритет исследователя, будь то право российского морского офицера Н. Г. Шиллинга на «кабинетное» открытие Земли Франца-Иосифа или новаторская роль М. В. Ломоносова в организации международных исследований Мирового океана.

Он не позволял себе никакой «художественности», не только вымысла, но и домысла. Тем не менее, его статьи и очерки в журнале «Природа», в «Известиях Всесоюзного географического общества», в сборнике «Летопись Севера» (членом редколлегии которого он состоял) читаются как законченные научно-художественные произведения — столько в них глубины, остроты, занимательности. Борис Александрович любил повторять: «Каждому — свое». «Своим» был для него раз и навсегда выбранный жанр исследовательской документалистики. Хотя воспоминания об Эрнсте Кренкеле в сборнике «Наш Кренкель» — это уже другое, это полноценные мемуары, первый и, к горькому сожалению, последний опыт такого рода.

Особое место в его творчестве последних лет занимали статьи и заметки для разных энциклопедических изданий. Он мучился, не находя в многочисленных научных книгах об Арктике необходимых и бесспорных, как того требует Энциклопедия, фактических данных. Раздражался, то и дело натываясь на разночтения во вполне уважаемых полярных изданиях. Не раз сетовал на то, что некоторые авторы излишне доверяют собственной памяти, верят в собственную непогрешимость, а в результате — путаница, досадные оплошности, неточные наименования экспедиций, перепутанные инициалы и фамилии, «смещенные» даты... Но он терпеливо, не щадя времени и нервов, докапывался до сути, продолжал читать книги и документы, пухлые «дела» и разрозненные листки в архивах, и в итоге из-под его пера появ-

лялись четыре (именно столько!) строчки о русском полярном путешественнике Анжу или арктическом мореплавателе Брусилове. А таких маленьких заметок было задумано несколько десятков, и каждая требовала дней, недель...

При строгом, даже суровом характере его взглядов и суждений, Борис Александрович неизменно оставался предельно доброжелательным и терпимым человеком. Он никогда не подавлял собеседника властью своего авторитета, но позицию свою защищал и отстаивал, что никогда не мешало ему признавать собственные ошибки. Он весьма нелестно отзывался об «ученых»-монополистах, присвоивших себе право изрекать истину в последней инстанции, взявших «на откуп» целые темы или целую историческую личность и мешающих другим исследователям заниматься теми же сюжетами. Борис Александрович радовался каждой новой работе об Арктике, особенно, если ее написал бывалый человек. Так, например, он считал образцом книгу «Матшар» М. А. Кузнецова, своего коллеги, зимовщика-метеоролога.

Если бы подробно рассказать о Кремере и книгах — можно было бы, наверное, не говорить уже больше ни о чем, настолько раскрывался Борис Александрович в этой «теме». Арктика и полярные страны вообще, книги по истории, искусству, жизнеописания замечательных представителей рода человеческого, путешествия и мореплавание, поэзия, лучшие образцы всемирной литературы — вот что составляло основу его библиотеки. Но этого было бы мало, если бы не одна черта Кремера-библиофила, редкая, даже редчайшая: он щедро делился не только знаниями, почерпнутыми из книг, но и самими книгами, в том числе очень ценными. И давал эти книги не одним лишь друзьям дома, но и тем, кто обращался к нему за советом, за помощью. И при этом не было никаких стандартных предупреждений, вроде: «ради бога, не помните страниц» — он просто давал книги тем, кто в них нуждался, и, судя по всему, испытывал при этом удовлетворение и удовольствие.

Столь же щедро делился он идеями, помогал советами, критикой, рецензиями. Звонил по телефону и начинал примерно так: «В прошлый раз забыл рассказать вам один эпизод, связанный с Владимиром Юльевичем Визе. Вы его не знали, а, глядишь, когда-нибудь вам, может, и пригодится то, о чем я сейчас расскажу.

Слева направо: В. Х. Буйницкий, Б. А. Кремер, Э. Т. Кренхель. 1941 г.

Это уж ваше дело, как вы используете «материал», но знать его, по-моему, вы обязательно должны». А ведь Борис Александрович сам все время писал об исследователях Арктики, и «материал» вполне мог рано или поздно пригодиться ему лично. Однако он, очевидно, не задумывался над этим, не откладывал «впрок» для себя одного соблазнительные истории, а широко распространял их — пусть как можно больше людей лучше знает об Арктике. О его любимой Арктике. Когда же вы начинали благодарить его за очередное сотворенное им добро, он обычно отвечал: «Господь милосердный! Ну что вы там придумываете, какие еще благодарности! Используйте Бориса Александровича, пока он жив, запоминайте, записы-

вайте, это уж как сами пожелаете. Не благодарите, не на чем, не на чем...» (старинный оборот в ответ на «спасибо»).

...Иногда мы вдруг начинаем стесняться слов. Таких, например, как «романтика», «подвиг». В какой-то мере, естественно, потому, что они становятся затасканными, из гордых превращаются в громкие. Наша «щедрость» время от времени делается непомерной, словом «подвиг», в частности, мы готовы бываем одарить чуть ли не любого мастера спорта по прыжкам, в длину или в высоту... Но сейчас хочется произнести высокие слова в полный голос: полярник Кремер заслужил их всей своей жизнью, столь преждевременно оборвавшейся.

Он был романтиком и писал о романтиках Арктики. Исследовал чужие подвиги, писал о них — и не раз совершал их сам. Романтико-героическое в жизни и творчестве Бориса Александровича Кремера ярко проявилось в самые последние годы, когда в Арктику стали все чаще отправляться молодые энтузиасты-любители, туристы-лыжники, члены научно-спортивной экспедиции газеты «Комсомольская правда». Он сразу и безоговорочно поддержал молодежь и саму идею сверхдальних полярных походов и плаваний, отнесся к этим «затеем» всерьез, стал оказывать участникам экспедиций всемерную помощь, словом и делом. Конечно, он знал и слышал возражения та-

Б. А. Кремер. 1974 г.

кого примерно рода: в наши дни, при наличии мощной авиации, ледоколов, специально оборудованных научных судов, целых отрядов хорошо подготовленных и снаряженных исследователей, нет никакой нужды в так называемых энтузиастах-дилетантах, разных там инженерах, математиках, кинооператорах. Иными словами, «зачем открывать открытое?»

Именно эти три слова Борис Александрович вынес в заголовок одного из разделов своей статьи «Снова, как прежде, наедине со льдами», опубликованной в «Природе»¹. Говоря о тех наших современниках, которые добровольно стремятся во льды, он так и написал: «Это прежде всего подвиг. Подвиг бескорыстный, ибо эти люди, кроме глубокого удовлетво-

ния содеянным, как правило, не получали никаких выгод. Ну что же, история свидетельствует, что человечество всегда нуждалось, нуждается и, конечно же, будет нуждаться всегда в таких бескорыстных подвигах». Но дальние походы — не только и не просто подвиг. Это еще и способ более глубоко постичь величие и тайны полярной Природы, по выражению Б. А. Кремера — слиться с нею, воспринять ее с полнотой, которая недоступна участникам любой современной научной экспедиции, передвигающейся на быстроходных судах и самолетах. «А потому, — заключает он свою статью, — дальние походы по дрейфующим льдам и ледовые плавания заслуживают самого пристального внимания и всесторонней поддержки».

Когда же экспедиция «Комсомольской правды» вплотную занялась планомерными поисками следов русановского «Геркулеса», Борис Александрович стал следить за ее работой с интересом и волнением. Но — и в этом весь Кремер! — он не упускал случая напомнить участникам поиска, что нельзя «замыкаться на Русанове», нужно изучать все, что встретят они на их нелегком полярном маршруте: природу Арктики, археологические реликвии, следы пребывания человека на отдаленных глухих берегах, следы последней войны, бушевавшей в тех краях (об этом еще далеко не все известно, хотя и происходили те события совсем-совсем недавно). Он учил молодых широте подхода к любому проявлению жизни, воспитывал — в прямом и лучшем понимании этого слова — интерес к исследованию и не делил исследовательские работы на главные и второстепенные. Ему было одинаково дорого все, что связано с Севером, и он с явным оттенком смущения, даже какого-то недоумения, признавался, что к Антарктике относится куда более сдержанно, хотя прекрасно понимает нелепость подобного подхода...

Ему о многом хотелось подумать и написать. В первую очередь, о русских и советских полярных станциях, об исследованиях по программе Первого

¹ «Природа», 1973, № 5. Б. А. Кремер также опубликовал в «Природе» статьи: 239 дней на ледяном острове, 1969, № 8; По нехоженой земле. 1970, № 2; Первые полярные станции. 1974, № 6.

международного полярного года. Он надеялся начать в каком-либо полярном издании публикацию алфавитного перечня имен наших зимовщиков, с краткими биографическими данными о них. Мечтал когда-нибудь приступить к теме: «Дрейф шхуны «Святая Анна», лейтенант Брусилов, штурман Альбанов». Об этой экспедиции, исчезнувшей во льдах Арктики шестьдесят с лишним лет назад, довольно хорошо знают, и все-таки Борис Александрович хотел, рассчитывал сказать о ней какое-то новое слово. Какое? — нам не суждено уже узнать об этом.

Он непрерывно занимался серьезными полярными делами. Но внезапно, неожиданно, пожалуй, для самого себя, Борис Александрович увлекся одной, если можно так выразиться, литературно-лингвистической идеей: его растревожил, заставил задуматься широко известный по роману В. А. Каверина «Два капитана» лозунг «Бороться и искать, найти и не сдаваться». Он помнил, что эти слова — надгробная надпись на могиле выдающегося английского антарктического путешественника Роберта Скотта, погибшего на обратном пути с Южного полюса в 1912 г. Он знал также, что впервые эта фраза прозвучала на английском языке в стихотворении поэта XIX в. Альфреда Теннисона «Улисс», но теперь Борис Александрович вдруг заподозрил, что русский перевод сделан неточно, что по всей сути трагического события, случившегося в 1912 г. на Южном полюсе, нужно перевести примерно так: «Дерзать, искать, найти, но не пожать плодов!»

Догадка не подтвердилась, прежний перевод стихотворной строки оказался точен. Однако характерен и символичен сам факт обращения к ней полярника Кремера. Он всю свою жизнь дерзал, искал, находил, не сдавался. Тяжело болел последние годы, но ни словом, ни намеком не давал понять, что ему больно, плохо, что в любую секунду может случиться беда. Только говорил близким, что хотел бы быть похороненным на Северной Земле, там, где начиналась его жизнь полярника, где прошли наиболее насыщенные, драматические и героические годы, где покоятся останки Ильи Ивановича Шенцова, где сам Борис Александрович устанавливал весной 1965 г. урну с прахом своего друга, знаменитого полярного исследователя-первооткрывателя Георгия Алексеевича Ушакова.

Он не был, как говорится, ни академиком, ни героем (если иметь в виду

официальные чины-звания). А был рыцарем Арктики, большим исследователем, подлинным ученым. Однако вряд ли самому Борису Александровичу пришлось бы по душе, если бы кто-нибудь вслух назвал его так: герой, «рыцарь» — он был скромн, не выносил напыщенности, трескучей фразеологии. Он всегда спокойно и по-деловому называл себя полярником, не больше и не меньше. Видимо, этого вполне достаточно. Как будет достаточно, если новое океанское научно-исследовательское судно назовут: «Полярник Кремер», а на географической карте Северной Земли появится гора полярника Кремера или полярная станция его имени

...13 января 1976 г. в Москву приехал заместитель директора Британского полярного института им. Р. Скотта, доктор Т. Армстронг. Всякий раз, бывая в СССР, он стремился поскорее встретиться с «Борисом», которого очень любил. Но последняя встреча не состоялась: именно в этот день Бориса Александровича не стало. Выступая на траурной панихиде, его английский друг нашел удивительно точные слова: «Дорогой Борис, вы навсегда останетесь для всех нас, людей разных национальностей, образцом и олицетворением полярника».

УДК 92 Кремер